

Е.Б. МИРЗОВ

ЛЕГИТИМИСТСКАЯ ДОКТРИНА ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА И КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ (начало XIX века)

Формирование общественного сознания в России было тесно связано с общеевропейскими событиями и проблемами, неизбежно затрагивавшими русское общество. Для российского общества начала XIX в., как и для Европы в целом, проблемы легитимности, прерогатив верховной власти, ее социальной опоры приобрели особую значимость в силу объективных причин. Центральное место среди них следует отвести Французской революции и тем переменам в Европе, которые она вызвала. Именно в контексте этих исторических событий следует рассматривать то, как складывалось российское общественное сознание и присущие ему взгляды на государственность.

Русское общество начала XIX в. стало свидетелем краха абсолютизма во Франции, казни короля и якобинского террора, революционных, а затем и наполеоновских войн, узурпации власти Наполеоном и многих других драматических событий. На глазах у современников последовательно проходило формирование нового общественно-политического строя и новых государственных институтов власти в революционной, наполеоновской и постнаполеоновской Франции. Все эти события неизбежно ставили перед правительствами и обществом европейских держав, в том числе и России, проблему адаптации абсолютистских режимов к произошедшим переменам. Эти перемены повлекли за собой крушение всей системы европейских международных отношений. Они заставили по-новому взглянуть на устоявшиеся общественные теории "Века Просвещения" и подтолкнули общество к обсуждению проблемы власти. Осознание необратимости политических последствий Французской революции привело к признанию со стороны абсолютистских режимов Европы конституции в качестве основы государственного строя во Франции¹. В России проблема адаптации к переменам в Европе была осознана еще Екатериной II². При Александре I она приобрела особую актуальность и требовала уже не теоретического осмысления, а практического решения. Предстояло найти ответ на вопрос, какими средствами и способами укрепить российскую государственность и не допустить развития событий по французскому сценарию.

Можно выделить две основные проблемы, представлявшие большой интерес для русского общества того времени. Прежде всего, это вопрос о власти, ее происхождении и легитимности. Проблема легитимности определялась той или иной трактовкой проблемы происхождения власти. Другим важным вопросом, по-разному решавшимся русскими общественными деятелями, был вопрос о том, насколько опыт Европы применим для России: что с учетом специфики России, ее истории можно взять из Европы, а от чего следует отказаться. Будет ли такое заимствование унижением достоинства России или, напротив, приобщит ее к нормам европейской цивилизации, будет свидетельствовать о несамостоятельности, зависимости России или о ее движении к

Мирзоев Евгений Бахлулович – кандидат исторических наук, доцент факультета политики и культуры Института бизнеса и политики (Москва).

¹ *Зак Л.А.* Монархи против народов. М., 1966, с. 326.

² См: *Сироткин В.Г.* Абсолютистская реставрация или компромисс с революцией (об одной малоизвестной записке Екатерины Великой). Французская революция и Россия. М., 1989.

культурному и нравственному прогрессу. Обсуждение этих вопросов приводило общество к дискуссии о путях и перспективах развития самой Российской империи.

В странах Западной Европы в начале XIX в. происходили глубокие перемены в общественном сознании, связанные с кризисом просветительской идеологии как философской основы для политических концепций. На смену ей приходили консервативная, либеральная, социалистическая идеологии. Эти общие тенденции были характерны и для русского общественного сознания, переживавшего период складывания различных направлений общественной мысли.

Революционный террор и беззаконие, сопровождавшие революцию во Франции, в особенности после 1792 г., породили в европейском обществе разочарование в политических преобразованиях как пути, ведущему к прогрессу и благоденствию. Воспитанное преимущественно на гуманистических идеалах Просвещения, оно не могло принять казни короля, революционного безвластия, якобинской диктатуры. Казалось, философско-политические доктрины просветителей, ставшие лозунгами французских революционеров, оборачивались на практике крушением самих основ социального порядка, законности и морали. Режим якобинской диктатуры воспринимался как беззаконная тирания горстки узурпаторов, не имевшая ничего общего с пресловутыми принципами народного суверенитета, свободы и равенства. В русском общественном сознании под влиянием этих событий появляется разочарование во многих политических идеалах просветительства, в том числе в представлении о республике как о наиболее совершенной форме государственного устройства. Высказывавшиеся уже самими философами-просветителями, в первую очередь Ш.Л. Монтескье, скептические суждения относительно целесообразности республиканской формы правления в условиях больших государств теперь получали не только подтверждение на практике, но и дальнейшее обоснование и развитие.

Приход во Франции к власти Наполеона, ознаменовавший собой конец реального существования республики, еще более укрепил в русском общественном сознании постулат о неизбежности монархического устройства для крупных государств и идею о бесперспективности попыток изменить его. Установление во Франции режима власти первого консула расценивалось многими, например русским консервативом Н.М. Карамзиным³, как возврат Франции к монархическому строю, причем Бонапарта стали воспринимать как монарха, которому сам народ вручил верховную власть. В Европе возрождалось представление о неизменности в целом государственно-политических строев, которые противопоставлялись идее политического прогресса. В эпоху наполеоновских войн власть Бонапарта, надевшего в 1804 г. императорскую корону, все больше воспринималась в европейском обществе как нелегитимная и ассоциировалась не с монархической традицией, а с революционной инерцией. Одновременно ее стали трактовать как деспотическую по сути.

В русском обществе начала XIX в. единого консервативного лагеря не существовало. Консервативная идеология была представлена взглядами общественных деятелей, относившихся к разным социальным кругам и не осознававших своей идейной близости. Однако настроения консервативных и традиционалистски мыслящих кругов дворянского общества являлись достоянием молчаливого большинства, особенно в провинции. "То, что называлось высшим образованным обществом, большей частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, нас занимавших, показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить нечего", – утверждал декабрист И.Д. Якушкин⁴.

Среди консервативных концепций, отраженных в сочинениях авторов того времени, следует выделить доктрину просвещенной монархии, опиравшуюся, прежде всего,

³ Вестник Европы, 1802, № 17, с. 77.

⁴ Якушкин И.Д. Из записок. – Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., 1951, с. 101.

на идеи просвещенного абсолютизма Екатерины II. Центральной фигурой этого направления зарождавшегося русского консерватизма являлся Н.М. Карамзин. Другой вариант консервативной мысли был представлен традиционалистской концепцией "национально-патриархальной" монархии публициста С.Н. Глинка. Еще одной доктриной, ставшей достоянием русской общественной мысли, по сути одним из ее элементов была клерикально-легитимистская концепция Ж. де Местра.

Деятельность и сочинения философа и писателя графа Жозефа де Местра (1754 – 1821), порой напрямую посвященные России, были частью российской общественной жизни того времени. Он родился в городе Шамбери в Савоие в аристократической семье. Первоначальное образование получил под руководством иезуитов. Окончив в 1774 г. Туринский университет, Ж. де Местр стал советником Сената Савойи, а в 1788 г. – сенатором. Когда французские войска заняли Савойю, он переехал на Сардинию, где в 1800 г. получил должность канцлера. Клерикальная идеология, с которой французский философ был знаком с детства, а также принадлежность к эмигрантской среде оказали определяющее влияние на его политические взгляды. Еще в молодости де Местр увлекся ультрамонтанскими идеями. Убеждения в непогрешимости и приоритете власти папы над светской властью он сохранил на протяжении всей жизни. Вместе с тем он был хорошо знаком с масонством и даже сам одно время состоял в масонской ложе⁵.

В 1802 г. де Местр приехал в Санкт-Петербург как посланник сардинского короля. В России он написал большинство своих философских и публицистических сочинений, в том числе "Санкт-Петербургские вечера" и "Петербургские письма". Русский читатель познакомился с его "Рассуждениями о Франции" уже в 1797 г.⁶ В Петербурге де Местр стал частым гостем аристократических салонов братьев Н.А. и П.А. Толстых, графа А.К. Разумовского, графов Строгановых. Он дружил с адмиралом П.В. Чичаговым и сенатором В.С. Томара, посещал литературное общество "Беседа любителей русского слова" адмирала А.С. Шишкова⁷. Де Местр быстро приобрел известность в аристократической среде Петербурга. Чиновник министерства иностранных дел А.С. Стурдза свидетельствовал, что Ж. де Местр "не имел равного себе в аристократическом обществе, в котором он господствовал"⁸. В России сардинский посланник включился в политическую борьбу⁹. Он оказал заметное влияние на формирование особого общественного направления – русского католицизма¹⁰. В 1811 г. де Местр стал на короткое время секретарем Александра I. Он поддерживал тесные связи с иезуитами в России и ходатайствовал перед князем А.Н. Голицыным об их поддержке. Поддержка иезуитов Ж. де Местром, в конце концов, стала причиной охлаждения к нему со стороны царя и отъезда из России в 1817 г.

В Петербурге круг знакомств и идейного влияния де Местра не ограничивался консервативным обществом. Он прислал экземпляр "Размышлений о Франции" будущему декабристу М.Ф. Орлову. Это "единственная хорошая книга о Французской революции из тех, которые мне пришлось прочесть", – утверждал в 1814 г. М.Ф. Орлов¹¹.

Многие идеи, с которыми де Местр выступил в первом своем известном сочинении "Рассуждения о Франции", не отличались оригинальностью. В начале XIX в. они были широко распространены в эмигрантской среде. Французский консерватор последовательно отвергал политические теории философов-просветителей. Одним из основных

⁵ Подробнее о биографии и формировании общественных взглядов де Местра на русском языке см.: *Дегтярева М.И.* Консервативная адаптация Ж. де Местра. Пермь, 1997. (Автореферат канд. дисс.).

⁶ *Виат О.* Граф Жозеф де Местр. – *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998, с. 657.

⁷ *Степанов М., Вермаль Ф.* Жозеф де Местр в России. – Литературное наследство. Русская культура и Франция, т. 29–30. М., 1939, с. 598.

⁸ Цит. по: *Степанов М., Вермаль Ф.* Указ. соч. с. 608.

⁹ *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, с. 257.

¹⁰ *Цимбаева Е.Н.* Русский католицизм. М., 1999, с. 41.

¹¹ *Степанов М., Вермаль Ф.* Указ. соч., с. 616.

элементов его историко-политических взглядов был провиденциализм. Он рассматривал историю как творение божественной воли, а национально-государственный организм наделял функцией "инструмента" исполнения божественного плана. "На каждую нацию, как и на каждого индивида, – писал он, – возложена миссия, подлежащая исполнению"¹². Наиболее отчетливо провиденциалистские мотивы видны в его трактовке Французской революции. Де Местр полагал, что революция, явившаяся божьим наказанием, чистилищем для Франции и всей Европы, имела собственную логику развития. Согласно воле провидения, она была призвана в итоге способствовать утверждению и еще большему укреплению монархических и религиозных устоев. Детьми Французской революции выделялись де Местру лишь пассивными орудиями как революции, так и провидения. "И даже злодеи, которые кажутся вожаками революций, участвуют в ней лишь в качестве простых орудий", – утверждал он¹³.

Отвергая просветительские теории, де Местр придерживался принципа религиозного обоснования традиционных политических норм. Доказывая несостоятельность идеи договорного происхождения власти, он делал упор на божественной преданности института государства. Философ писал, что "общество так же древне, как и сам человек; а дикарь не является и не может являться ничем иным, кроме как человеком выродившимся и наказанным"¹⁴. Таким образом, де Местр объявил проблему установления и изменения той или иной формы правления не доступной человеческой воле и разуму. Поэтому в его сочинениях так отчетливо звучала мысль о том, что ход революции в действительности не подчиняется воле ее вождей. "Ни одна нация, – размышлял он, – не способна сама установить себе правление"¹⁵.

Другой отличительной чертой общественных взглядов французского консерватора был клерикализм. В своих сочинениях он подчеркивал необходимость укрепления религиозных устоев и общественной роли церкви как нравственных, а в конечном счете и политических основ, на которых держится государство. Высшим назначением политики, призванной бороться с индивидуалистическими тенденциями, де Местр считал воспитание и организацию общества с помощью веры. Обратной стороной признания де Местром религии и церкви в качестве основ общественной нравственности и порядка стало отрицание им гражданской свободы и политических институтов, стоящих вне религиозных ценностей. В памятной записке, адресованной графу Н.П. Румянцеву, сардинский посланник писал в 1811 г.: "род человеческий в целом своей пригоден для гражданских свобод лишь в той мере, насколько проникся он христианством"¹⁶. Де Местр считал, что для общества необходима монополия благородного сословия и церкви на обсуждение и толкование важнейших социальных и нравственных проблем. "Прелатам, дворянам, государственным сановникам, – рассуждал он, – принадлежит право быть хранителями и стражами консервативных истин, учить народ тому, что есть зло, что истина и что ложь в порядке нравственном и религиозном"¹⁷.

Специфика решения Ж. де Местром вопроса о причине социальных и политических потрясений в Европе конца XVIII – начала XIX в. состояла в перенесении проблемы в конфессиональную сферу. Единство и послушание представлялись им как чисто католические добродетели, а дух партикуляризма, индивидуализма и бунта как протестантские пороки. В адресованных Александру I "Четырех главах о России" савойский посланник предостерегал: "В разрушительном XVI веке берут начало все антиобщественные и антихристианские системы, появившиеся в наши дни: кальвинизм, яansenизм, лжефилософия, просвещение и так далее. Все это восходит к одному и

¹² Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997, с. 17.

¹³ Там же, с. 15.

¹⁴ Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998, с. 362.

¹⁵ Местр Ж. де. Размышления о Франции, с. 135.

¹⁶ Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995, с. 188.

¹⁷ Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера, с. 447.

должно рассматриваться, как одна секта, которая поклялась уничтожить христианство и низвергнуть всех христианских правителей..."¹⁸. Революционные события во Франции и потрясения в Европе, которые она вызвала, связывались де Местром с антимонархическим заговором иллюминатов, выросших из протестантизма. Эти идеи были достаточно популярны во французской эмигрантской среде.

Провиденциализм и клерикализм французского консерватора во многом определили его подход к проблемам происхождения и легитимности власти. В его сочинениях неизменно присутствовала мысль о том, что форма правления, политические права и свободы, существующие в государстве, были заложены изначально в его "естественной конституции", впоследствии лишь получая соответствующее юридическое оформление. "Никогда не существовала свободная нация, – утверждал де Местр, – которая не имела бы в своей естественной конституции, столь же древние, как она сама, зародыши свободы... и успешно развиваются лишь те права, которые существовали в естественной конституции"¹⁹.

Отвергая просветительское представление о народе как носителе суверенитета и источнике власти, де Местр признавал политический суверенитет только за монархом, чья власть освящена божественным происхождением, политические же права народа, по его мысли, могли быть лишь пожалованием монарха-суверена. "Права народа, – писал он, – часто вытекают из пожалований суверена, но у коренных прав суверенов и аристократии нет ни даты ни творцов"²⁰. Понятие суверенитета проистекало у де Местра не из народной воли и общественного договора, а из несовершенства греховной человеческой природы. Суверенитет у него имел не человеческое, а божественное установление.

В "нерукотворности" государственных институтов и политических прав, в независимости их изменений от человеческой воли Ж. де Местр видел залог крушения всех попыток построить государство на искусственных или "писанных" принципах. "Никакая конституция не следует из обсуждения, – настаивал он, – права народов никогда не бывают писанными, или, по крайней мере, писанные учредительные акты... всегда лишь суть документы, объявляющие о предшествующих правах"²¹.

Исходя из этого, де Местр критиковал политическую систему Французской республики. Он признавал невозможным реальное осуществление власти народа в качестве суверена, утверждая, что в представительной системе "права народа ограничиваются назначением тех, кто назначает". Доказывал, что в таком крупном государстве как Франция, в принципе невозможно существование реального республиканского строя, поскольку "суверен всегда будет в Париже", он в данном случае опирался на традицию, воспринятую просветителями, считать республику приемлемой формой правления только для небольших государств. По его мнению, в республиканской Франции народ "является более зависимым, чем при монархии". «Слова "великая республика" исключают друг друга как слова "квадратный круг"», – афористично заметил он²².

Де Местр противопоставлял национальный организм с его политическими традициями либеральному утверждению об универсальности применения политических и социальных инноваций. "Конституция, которая создана для всех наций, не годится ни для одной: это чистая абстракция", – утверждал он. Критикуя "универсальную" конституцию Французской республики, философ противопоставлял ей конкретно-исторический подход в решении вопроса о форме правления.

Государственность у де Местра рассматривается в контексте истории и политической традиции конкретного народа. Противопоставление конкретно-исторического

¹⁸ Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. – Местр Ж. де. Сочинения. СПб., 2007, с. 64.

¹⁹ Местр Ж. де. Рассуждения о Франции, с. 85.

²⁰ Там же, с. 82.

²¹ Там же, с. 81.

²² Там же, с. 62–63.

подхода универсальному, абстрактному объединяет его концепцию с идеями других консерваторов, в частности с концепцией русского самодержавия Н.М. Карамзина и со взглядами С.Н. Глинки. Французский мыслитель полагал, что в конституции должны быть зафиксированы законы, соответствующие особенностям того или иного государства. Он писал: "При заданных населении, нравах, религии, географическом положении, политических отношениях, богатствах, добрых и дурных свойствах какой-то определенной нации найти законы, ей подходящие"²³. Употребляя понятие "конституция", он подразумевал под ним любое государственное устройство, законодательное установление²⁴. Де Местр утверждал, что до революции во Франции тоже существовала конституция, а королевская власть всегда была ограничена законом. Однако, разъясняя свою мысль, он говорил о законах, "которые короли сами признали для себя, но... в счастливой невозможности нарушить их"²⁵. Таким образом, связывая так называемые коренные законы исключительно с суверенитетом и волей монарха, Де Местр отвергал конституцию, принятую в результате народного обсуждения и ограничивающую абсолютную власть монарха.

Де Местр объявил преданность престолу наивысшим выражением патриотического чувства. По его мнению, только благодаря монархии нация определяется как историческая и политическая целостность. Важными основами монархии он, как и другие консерваторы, считал словесный строй и привилегии дворянства.

Логика политического мышления де Местра привела его в вопросе о законности власти к консервативному легитимизму – то есть к признанию законной только власти наследственного монарха, которой не требуется никакое ограничение в виде конституции и независимого института парламентаризма. При таком понимании проблемы легитимности философ игнорировал просветительский постулат о соответствии власти принципам общественного договора как фактора, определяющего ее законный характер. Единственным условием законности верховной власти была для мыслителя принадлежность монарха "по крови" к династии, чья власть имеет божественное происхождение.

Темой, в обсуждении которой выкристаллизовывалась трактовка де Местром легитимности, была тема правления Бонапарта во Франции. Можно с уверенностью утверждать, что философ никогда не считал законной власть "корсиканца". "Есть как благие перевороты, так и преступные в своей основе узурпации, коих провидение удостоило печати законности, допустив для них долгое владычество", – писал о приходе Наполеона к власти де Местр. Вместе с тем он приветствовал восстановление монархического характера власти при Бонапарте, рассматривая это как предпосылку для реставрации. "Для меня, – признавался он, – Бонапарте значительно лучше как король, нежели простой завоеватель. Сей императорский фарс ни мало не прибавляет ему власти, но зато безвозвратно уничтожает то, что называют французской революцией"²⁶.

Характерно, что в 1809 г., выражая надежды на возможное приобретение новой династией Бонапарта легитимного статуса путем династического брака, де Местр по-прежнему отказывал самому Наполеону в законности его прав на трон. "Кто знает, – вопрошал он, – может быть, древняя августейшая кровь, ослабевшая и разжиженная, смешавшись с красною пеною бандита, и создаст нового монарха?"²⁷.

Де Местр четко разделял степень законности и характер власти наследственных Бурбонов – абсолютных монархов волею божьею и власть новоявленного императо-

²³ Там же, с. 88.

²⁴ Такое употребление слова "конституция" восходит еще к античности (например, так называемая конституция Каракаллы 212 г. – *Constitutio Antoniana* – о даровании римского гражданства большинству населения империи).

²⁵ Там же, с. 107.

²⁶ *Местр Ж. де*. Петербургские письма, с. 33.

²⁷ Письма Ж. де Местра из Петербурга в Сардинию. – Звезда, 1994, № 11, с. 182.

ра, пусть формально, но ограниченную конституцией. Он ожидал, что с возвращением прежней династии во Франции будет восстановлена и старая дореволюционная "конституция" – то есть абсолютистский характер верховной власти. Поэтому мыслитель негативно воспринял провозглашение конституции во Франции в 1814 г. после реставрации Бурбонов. "Людовик XVIII возвратился не на трон своих предков. Он всего лишь воссел на трон Бонапарте", – негодовал философ²⁸.

Де Местр последовательно придерживался принципов легитимизма. Он отвергал полезность любых решительных реформ и политических преобразований. "Отсюда, – замечал он, – вытекает необходимость лишь крайне редкого обновления, всегда проводимого с умеренностью и трепетом"²⁹. Большое опасение у де Местра вызывала перспектива реформ и утверждения гражданских свобод в России, на которую он возлагал особые надежды как на оплот легитимизма и религиозных устоев в Европе. В своих сочинениях он не уставал предупреждать о той угрозе, которую несет для России дух Французской революции и увлечение просветительской философией. "...во всем, даже в мелочах противоборствуйте духу новшеств и перемен, – призывал де Местр русских читателей. – По всей Европе разгорается пламя и если вы воспламеняемы, то как же ему не захватить и вас?"³⁰. Посланник сардинского короля прямо указывал на угрозу революции в России: "если явится какой-нибудь университетский Пугачев и станет во главе партии, если весь народ придет в движение и вместо азиатских экспедиций начнет революцию на европейский манер, тогда я не нахожу слов, чтобы выразить все мои на сей счет опасения"³¹.

По мнению французского консерватора, опасность усиливали исконные качества русского народа. Так, он утверждал, что русским "ненавистны всякие правила и всякий порядок, возведенные в степень закона"³². Истоки такой самобытности автор "Петербургских писем" искал в далеком прошлом: "...два великих события средних веков – прескорбное уклонение несчастной греческой церкви в раскол и татарское нашествие – закрыли Россию для влияния великой европейской цивилизации, исходившей из Рима"³³. Де Местр отрицательно относился к реформам Петра I. Он видел в них точку отсчета тех перемен в России, которые грозили привести к опасным последствиям. В 1811 г. философ писал о Петре I и его реформах: "Отняв собственные обычаи, нравы, характер и религию, он отдал" Россию "под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен"³⁴.

Де Местр обратил внимание на внутреннюю слабость Русского государства. Авторитет духовенства в России, по его мнению, был слишком слаб, чтобы оказывать самостоятельное влияние на общество и противиться распространению разрушительных революционных теорий. Он образно заметил, что "гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь. Противу сего превосходства нет иного лекарства, кроме религиозного чувства. К сожалению, оное совершенно здесь отсутствует, ибо там, где служители религии есть пустое место, пустым местом является и сама религия"³⁵. Эти рассуждения привели де Местра к выводу о крайней опасности освобождения русских крепостных, которые, в отличие от народов Запада, лишены спасительной опеки католической церкви. По мнению философа, такая ситуация может поставить под угрозу спокойствие и устойчивость государства. Сохранение крепостного права де Местр считал условием самого существования государства в России. "Рабство, – настаивал консерватор, – существует в России потому, что оно не-

²⁸ Местр Ж. де. О свободе. – Местр Ж. де. Петербургские письма, с. 256.

²⁹ Местр Ж. де. Рассуждения о Франции, с. 84.

³⁰ Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера, с. 608.

³¹ Местр Ж. де. Петербургские письма, с. 173.

³² Там же, с. 85.

³³ Там же, с. 158.

³⁴ Там же, с. 179.

³⁵ Там же, с. 169.

обходимо, и потому, что император не может без него царствовать"³⁶. Зависимость духовной власти от светской он считал не силой, а слабостью самодержавия. В отличие от Н.М. Карамзина, также ратовавшего за большую независимость церкви, де Местр воспринимал всесильное государство в России не просто как обусловленную историей особенность, а как опасную аномалию.

Единственное исследование, в котором предпринята попытка сопоставить общественные взгляды Ж. де Местра и Н.М. Карамзина, – статья "Два кандидата на роль государственного идеолога" историка М.И. Дегтярёвой³⁷. Она содержит концептуальный анализ идеологических позиций французского и русского консерваторов. Как представляется, эта тема далеко не исчерпана. Несомненно, что политические взгляды Карамзина при наличии отдельных общих черт во многом расходятся с воззрениями де Местра. Русский консерватор не принимал легитимизм в том виде, в котором он присутствует у де Местра. В общественных взглядах Карамзина, в том числе в его концепции русского самодержавия, большую роль играли теории просветителей, отвергавшиеся французским консерватором. Наконец, как справедливо отметила М.И. Дегтярева, Н.М. Карамзин в целом одобрял культурные заимствования с Запада, тогда как де Местр выражал сомнение в самой ценности научного знания для русских и был одним из первых, кто предложил идею внешней культурной изоляции для России³⁸. Существенно, что в отличие от Н.М. Карамзина, мы находим у де Местра законченную легитимистскую монархическую концепцию, построенную, прежде всего, на основе критики универсальных просветительских общественно-правовых теорий, причем эта концепция имела ярко выраженный клерикальный оттенок. Если Н.М. Карамзин в соответствии с теорией просвещенного абсолютизма обосновывал самодержавный характер верховной власти полным делегированием суверенитета народом своему монарху, то у Ж. де Местра понятие суверенитета изначально не связывалось с народом, а рассматривалось как атрибут, присущий исключительно монарху и имевший божественное происхождение. В отличие от Карамзина, де Местр отрицал легитимность иных форм правления, помимо абсолютной наследственной монархии. Он отстаивал тезис о божественном происхождении государства и гибельности попыток рационального подхода к реформированию политических институтов.

Ряд общих черт объединяют взгляды де Местра и С.Н. Глинки, издававшего с 1808 по 1824 г. журнал "Русский Вестник". Это и более осязаемая связь верховной власти и религии, нежели у Н.М. Карамзина, и неустанная критика французских философов-просветителей и Французской революции. Подобно де Местру, Глинка весьма критически оценивал универсалистский и рационалистический подходы к политическому строительству и общественному устройству, отдавая приоритет традиции. Любопытно отметить, что статьи С.Н. Глинки, опубликованные в "Русском Вестнике", сближает с сочинениями де Местра негативное отношение к культурным (как, впрочем, и любым другим) заимствованиям с Запада. Однако Глинка в своих сочинениях оставался далек от ряда фундаментальных основ деместровской концепции. Издателя "Русского Вестника" нельзя назвать последовательным легитимистом, так как в ряде случаев он прибегал к теории общественного договора как дополнительному обоснованию легитимности верховной власти³⁹. Утверждая необходимость сохранения "отеческой веры" как важной основы общественного строя, С.Н. Глинка не обращал внимание на церковь как институт⁴⁰, тогда как для де Местра принципиальным был именно приоритет католической церкви во главе с папой на Западе. Говоря о России,

³⁶ Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России, с. 33.

³⁷ Дегтярева М.И. Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н.М. Карамзин. – Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998, с. 63–84.

³⁸ Там же, с. 72–75.

³⁹ Глинка С.Н. Русская история, т. 1. М., 1817, с. XII.

⁴⁰ Там же, т. 6, 1818, с. 107.

де Местр обращал внимание на состояние православной церкви в стране. В отличие от него Глинке было не свойственно переносить общественно-политические противоречия в конфессиональную плоскость. Возможно, одним из самых ярких расхождений была склонность С.Н. Глинки не просто к идеализации русских монархов и допетровской старины, но и стремление "примирить" самого Петра I с допетровской Русью, попытки выставить его блюстителем традиции и православной веры⁴¹.

В целом, среди черт консервативной идеологии, общих как для русских консерваторов первой четверти XIX в., так и для Ж. де Местра, можно выделить неприятие разрушительной изменчивости настоящего и обращение к традиции, в том числе политической как источнику стабильности. Исходя из идеи неотвратимости перемен, разрушавших, как им представлялось, сами основы государственности, они видели выход в максимально возможном замедлении этого разрушения. Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка и Ж. де Местр были едины относительно идеи сохранения в России самодержавия, в отрицании (однозначном у де Местра, фактически следующим из общей концепции у Н.М. Карамзина и С.Н. Глинки) политических прав народа.

Стоит отметить ряд публикаций в русской прессе начала XIX в., в которых, на наш взгляд, обнаруживается идейная близость к легитимистской концепции Ж. де Местра. В 1810-х годах в журнале "Сын отечества" появлялись статьи, близкие по духу к сочинениям савойского консерватора. Например, в статье "Замечания о Великобритании", опубликованной в 1815 г., в духе сочинений Ж. де Местра защищались привилегии дворянства, опоры монархии: "ничто столь не унижает государства, как умножение пороков, лишающих наследственные классы в обществе всех выгод, на которые они получили право своею порою"⁴². Стоит обратить внимание на то, что речь здесь шла не о естественных правах, а о правах дворянского сословия, основанных на благородном происхождении "по крови".

В русской публицистике встречались созвучные сочинениям Ж. де Местра оценки Французской революции, но правление Наполеона оценивалось даже в этих статьях иначе. Подобно де Местру, автор статьи "Размышления русского патриота", опубликованной в 1813 г. в журнале "Сын отечества", писал о неизбежности и закономерности падения французской республики. Правда, здесь отсутствовал столь характерный для Ж. де Местра мотив божественного провидения. "Народ, – утверждал автор, – испытал, что значит в руках его верховная власть; он пользовался ею только посреди ужаснейших смятений, и был принужден сложить ее с себя, желая успокоиться. Сим воспользовалось правительство и нация, изнуренная всякими бедствиями, слепо предалась оному"⁴³. Верховная власть в руках народа во Франции для автора статьи – трагическое отклонение от закономерности монархической формы существования государственности во Франции, которым воспользовалось правительство Наполеона.

Однако характерно, что в отличие от Ж. де Местра приход к власти Наполеона и трансформация политической системы во Франции в сторону монархии на страницах патриотически настроенного "Сына отечества" рассматривались как дальнейшее развитие революции и одновременно как свидетельство видимости существования во Франции истинной республики. Разоблачение фарса и незаконности установления наполеоновской диктатуры было одной из ведущих тем политических обзоров журнала. Статьи "Сына отечества" не раз напоминали читателю о том, как "горделивейшие из республиканцев начали лизать наполеонову руку"⁴⁴, как "рабствующий сенат объявил, что Франция должна для спасения своего, сделаться монархией, и поднес императорскую корону Наполеону"⁴⁵. В этих разоблачительных фразах можно предполо-

⁴¹ Русский вестник, 1810, № 4, с. 68.

⁴² Сын отечества, 1815, ч. 19, с. 244.

⁴³ Сын отечества, 1813, ч. 4, с. 152.

⁴⁴ Сын отечества, 1813, ч. 9, с. 5.

⁴⁵ Сын отечества, 1816, ч. 28, с. 146.

жить литературное влияние античной традиции, в частности знаменитого труда Тацита, обличавшего скрытый за республиканскими институтами деспотизм римских императоров: "Несколько веков разврата, – отмечалось в одной из статей 1813 г., – потребны были на то, чтобы приучить потомство Гракхов ползать у ног Тиберия; во Франции это делается скорее..."⁴⁶ Эти замечания, кроме прочего, были призваны еще раз подчеркнуть отсутствие нравственных и политических условий для существования республики во Франции.

С другой стороны, приход к власти Наполеона освещался на страницах ряда статей "Сына отечества" как незаконная узурпация власти. Наполеон не только "присвоил себе власть под названием консула", – утверждалось в статье "Суждение о Бонапарте", опубликованной уже в 1812 г., но стал "бичем вселенной, палачем народа, поработенного страхом и безрассудством"⁴⁷. Режим власти Наполеона во Франции предстает в статьях журнала как жестокая тирания, "уродливое сочетание якобинства с деспотизмом", которое "не может быть продолжительным"⁴⁸. Недолговечность власти Бонапарта объяснялась в статье "Иступление французской политики в XIX веке" тем, что она, по сути, стала прямым продолжением революционных потрясений. "Все творения французской политики, – отмечалось в одном из номеров 1813 г., – суть не что иное, как судорожные движения революции, во французских же полководцах и министрах видим мы одних наследников Марата и Робеспьера; они должны беспрестанно ожидать того времени, когда разрушится незаконная их власть руками нации, которая ими первая поработена". Далее автор статьи сделал общий вывод о характере политического режима наполеоновской Франции: "Французская империя по существу своему есть держава революционная"⁴⁹. Незаконный и "революционный" характер власти Наполеона, по мнению автора, определял неизбежность ее свержения самими французами, "поработенной нацией", за которой в данной ситуации признавалось право на свержение незаконного правительства. Однако в критической статье, разоблачающей власть Наполеона с консервативных позиций, акцент сделан не на праве нации на выбор формы правления, а на праве и обязанности народа защищать "законную" с легитимистской точки зрения прежде всего королевскую власть от узурпации.

Столь жесткие оценки режима власти первого французского императора были определены в первую очередь внешнеполитическими факторами. Образ Наполеона как тирана и деспота, порожденного революцией, не сходил с журнальных страниц стран коалиции на протяжении заключительного периода наполеоновских войн. Сам этот мотив был достаточно распространенным: "детищем революции", к примеру, называл Наполеона в своих мемуарах С.Г. Волконский⁵⁰. Антинаполеоновская пропаганда, подвергая сомнению законность Бонапарта как монарха, представляла французского императора незаконным узурпатором. Существенно, что такие характеристики власти Наполеона влияли на восприятие обществом проблемы верховной власти вообще. Созвучные статьям "Сына отечества" легитимистские мотивы в критике Наполеона появлялись и на страницах других журналов. Например, в июньском номере "Вестника Европы" за 1807 г. война с Наполеоном, шедшая в Европе, оценивалась как "брань между Монархией и Тираниею", причем тут же подчеркивалось, что под тираном в данном случае понимается государь, "который по своему роду не имеет права царствовать"⁵¹. Законность власти Бонапарта здесь отрицалась в чисто легитимистском стиле; впрочем, данный мотив как предмет спекуляций прессы стран анти-

⁴⁶ Сын отечества, 1813, ч. 9, с. 7.

⁴⁷ Сын отечества, 1812, ч. 1, с. 19.

⁴⁸ Сын отечества, 1815, ч. 21, с. 115.

⁴⁹ Сын отечества, 1813, ч. 8, с. 33, 37.

⁵⁰ Волконский С.Г. Записки. СПб., 1991, с. 61–62.

⁵¹ Вестник Европы, 1807, № 11, с. 234.

наполеоновской коалиции также был отражением антинаполеоновских настроений в условиях войны.

Представление в статьях "Сына отечества" власти французского императора как "революционной" дополнительно характеризовало "национальные" особенности политической жизни Франции. Автор одной из статей "Сына отечества" прямо утверждал, что в России Наполеон "был бы Пугачевым, в одной Франции он мог царствовать и царствует"⁵². То, что возможно во Франции, по мнению автора, невозможно в России благодаря различному состоянию нравственности общества, сохранности его религиозных устоев (естественно, что предпочтение при этом отдавалось нравственным устоям русского общества). Эти примеры показывают, что ряд русских публицистов – авторов журнала "Сын отечества" разделяли по крайней мере такую важнейшую доминанту деместровского консерватизма, как легитимизм, хотя и их статьи демонстрируют серьезные отличия от взглядов де Местра в подходах к трактовке важнейших политических проблем.

Таким образом, легитимистская концепция государственности, созданная Ж. де Местром, стала достоянием части консервативно мыслящих кругов русского общества. По сути, она представляла собой классический образец консервативного легитимизма, воскрешавшего идею о божественном происхождении верховной власти и отрицавшего рационалистические теории естественного права и общественного договора. В обосновании политической доктрины легитимизма важная роль отводилась идеям провиденциализма и клерикализма. Ключевое место среди основ государственности в концепции де Местра принадлежало религии и церкви. Легитимизм Ж. де Местра в узком смысле являлся, прежде всего, идеологическим оформлением реставрации Бурбонов во Франции. Но в целом эта идеология имела куда более широкое содержание, став одной из форм адаптации консервативных общественных кругов к переменам, порожденным Французской революцией. В период кризиса идеологии Просвещения сочинения де Местра сыграли большую роль в усилении влияния западноевропейской мысли на российское общество⁵³. Будучи одним из основоположников европейского консерватизма, де Местр, разумеется, не оказал на общественную жизнь России столь заметного влияния, как Н.М. Карамзин. Однако в великосветской среде столицы его идеи находили живой отклик. В эпоху наполеоновских войн в русской публицистике появлялись материалы, во многом созвучные легитимистской доктрине де Местра. В целом, эти факты позволяют подходить к концепции де Местра как к одному из аспектов идейной адаптации части русского общества, пусть и весьма ограниченной, к большим переменам в Европе в первой четверти XIX в.

⁵² Сын отечества, 1813, ч. 9, с. 8.

⁵³ Ростиславлев Д.А. Жозеф де Местр о целях и перспективах просвещения в России. – Человек эпохи Просвещения. М., 1999, с. 200.